

нет дела. Он отвечал, что отрицательное отношение недостаточно, что им нужна любовь к существующему, короче, он требовал от меня апологий и оправданий в виде лекций. Реформация и революция должны быть излагаемы с католической точки зрения и как шаги назад. Я предложил не читать вовсе о революции. Реформации уступить я не мог. Что же бы это была за История? Он заключил словами: „Есть блага выше науки, их надобно сберечь, даже если бы для этого нужно было закрыть университеты и все училища“¹⁷.

В суждении попечителя Строганова, довольно благожелательно относившегося к молодым профессорам, особенно к Грановскому и Соловьеву, на этот раз открыто высказался верный и исполнительный николаевский служака. Заметим, впрочем, что и спустя год после этого суждения, Грановский выступал со своим вторым публичным курсом лекций.

В связи же с мнениями, высказанными самим Грановским при объяснении со Строгановым, историк обязан памятовать и привести соображения Герцена из «Былого и дум» о духовном образе, о складе души ученого лектора: «А ведь Грановский не был ни боец, как Белинский, ни диалектик, как Бакунин. Его сила была не в резкой полемике, не в смелом обращении, а именно в положительном нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселил, в художественности его натуры, покойной ровности его духа, в чистоте его характера и в постоянном протесте против существующего порядка в России. <...>. Таков был сам Колиньи, лучшие из жирондистов, и действительно Грановский по всему строению своей души, по ее романтическому складу, по нелюбви к крайностям скорее был гугенот и жирондист, чем анабаптист или монтаньяр»¹⁸.

Для уяснения понимания душевного строя Грановского его другом и современником, представителем русского революционного движения эти суждения существенны и важны. Для постижения личных особенностей душевного склада Грановского мнение Герцена, несомненно, очень весомо. Но вряд ли правомерно поступил бы историк, распространив механически эти суждения на историко-философские воззрения Грановского. При всей мягкости характера, деликатности, кажущейся уступчивости ученый в течение всех шестнадцати лет служения отечественной науке и просвещению твердо, неуклонно держался основ своего прогрессивного общественно-исторического мировоззрения. Именно эта внутренняя стойкость, глубокая незыблемая убежденность в правоте и силе науки, в «Истине Истории», защита разума и просвещения, человечности, вера в прогресс вместе с личным обаянием, изяществом строя чувств, мышления, художественной и ясной формой речи заслуженно доставили Грановскому исключительное, особое положение и в Московском университете и в восприятии его передовой общественностью Рос-

¹⁷ Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, с. 462—463.

¹⁸ Герцен А. И. Указ. соч., т. 9, с. 122, 123.